

Спать под самым носом у волчонка?

Линь Тунси не решился бы так рисковать.

Он сел прямее. В комнате уже как следует потеплело. Расстегнув и сняв пуховик, Тунси сделал приличный глоток горячей воды, чтобы немного прийти в себя, и лишь затем спросил:

— У тебя ещё какие-то дела? Выкладывай.

Под пуховиком у Линь Тунси оказался лишь тонкий светло-голубой джемпер с V-образным вырезом. Когда он снимал куртку, Цинь Нань убрал руки, но стоило Тунси закончить, как волчонок тут же примостился сзади и принялся разминать ему плечи. Возражений не последовало, и Цинь Нань, весь так и сияя от счастья, с готовностью продолжил массаж.

Одной рукой он продолжал массировать плечи Линь Тунси, а другой выудил из кармана телефон:

— Мне тут только что прислали кое-что интересное, послушай.

Из динамика донеслись голоса:

— Маньмань, зачем тебе столько роз? А украшений-то сколько! Собираешься комнату декорировать? Свечи-сердечки, красное вино... Ты что, признаваться кому-то собралась?

— Сестра Ли, я вовсе не...

— Что «не»? Попросила Жунжун купить всё это за моей спиной! Неужели ты опять намылилась к Линь Тунси?

Запись на мгновение затихла. Затянувшаяся пауза красноречиво выдавала Маньмань: сестра Ли попала в самую точку, и возразить ей было нечего.

— Маньмань, я же русским языком тебе говорила: не лезь к Линь Тунси! Посмотри на последние скандалы в сети, на то, как лихо его студия выкатила официальное заявление. Он явно не простая сошка. Держись от него подальше.

— Я знаю, что ты приняла близко к сердцу его слова на той летучке. И прекрасно вижу: ты просекла, что у него с режиссёром Ся особые отношения. Но он тебе уже отказал, понимаешь? Между вами ничего и никогда не будет! Зачем сейчас, когда всё так зыбко, устраивать этот цирк? Если вас опять кто-нибудь застукает и снимет или если ты окончательно выведешь его из себя... Ты вообще думаешь о том, удержишься ли после этого в проекте?

—... Сестра Ли, ну не пугай ты меня...

— Да кто тебя пугает? В индустрии по нему сохнет вагон народу, причём куда более успешного и влиятельного, и что-то никто до сих пор его не окрутил! Послушай меня, зарой свои хотелки поглубже и не смей к нему соваться. Из-за твоего дурацкого свидания его засняли папарацци, и мне теперь из кожи вон лезть, чтобы всё замять! Я как раз собираюсь пригласить его в нормальный ресторан. Придёшь, чин по чину извинишься, а дальше просто спокойно работай на площадке и не отвечивай. В прошлой дораме ты показала себя отлично, вот и в этом фильме выложись на полную. А со всеми твоими проблемами мы разберёмся — я найду тебе толковых коучей. Но к Линь Тунси — ни ногой, усекла?

И снова затянувшаяся тишина. Спустя добрую минуту Ли Маньмань нехотя буркнула из динамика короткое:

— Поняла.

Едва запись завершилась, как зазвонил мобильный самого Линь Тунси. На экране высветилось голосовое сообщение от Лэ Бэя.

— Брат Линь, тут на нас выходила Ли Цянь, менеджер госпожи Ли. Извинялась за тот скандал в сети, признала, что они кругом виноваты — не вытащи Маньмань тебя на встречу, ничего бы не было. Они хотят пригласить тебя на ужин, как только закроем этот съёмочный блок и появится передышка. Хотят лично загладить вину. Сестра Чжун просила узнать, согласен ли ты. Если да, мы выберем время.

Линь Тунси ещё не успел набрать ответ, как Цинь Нань за его спиной скептически хмыкнул:

— Шустро работают. Всего пара дней прошла, а они уже удочки закидывают.

Немного поразмыслив, Линь Тунси отправил Лэ Бэю ответное сообщение:

— Давай согласуем. Сейчас съёмки идут в авральном режиме, но через пару дней мы должны освободиться пораньше. Тогда и встретимся, выходных ждать необязательно. Место выбери сам, главное — полная конфиденциальность, чтобы без сюрпризов от папарацци. Хотят платить — пусть платят, но заведение выберем мы.

— Всё понял, брат Линь, сделаю в лучшем виде, — мгновенно отозвался Лэ Бэй.

Услышав, что Тунси принял приглашение, Цинь Нань разом скис:

— И зачем ты согласился?

Цинь Нань специально дал ему послушать запись, надеясь открыть глаза на истинные мотивы Ли Маньмань. Даже если её менеджер действительно пеклась об извинениях, он до последнего надеялся, что Тунси откажется. В идеале им вообще не следовало пересекаться нигде, кроме съёмочной площадки.

А Линь Тунси мало того что согласился, так ещё и сам назначил время!

На душе у Цинь Наня мгновенно заскребли кошки. Его захлестнула такая волна ревности, хоть стой, хоть падай, но закатить сцену он не мог — не имел ни малейшего права, ни официального статуса. От этого вынужденного бессилия внутри всё буквально переворачивалось.

Но как бы ни бушевала внутри буря, руки Цинь Наня работали всё так же бережно. Боясь причинить Тунси хоть малейшую боль, он продолжал мягко и аккуратно, с идеальным нажимом разминать ему плечи.

Линь Тунси заговорил ровным, размеренным тоном:

— Ли Цянь уволилась из своего прежнего агентства и сейчас переходит в нашу дочернюю компанию. Соглашение о намерениях уже подписано, сразу после Нового года она приступает к работе. Вместе с ней перейдёт и Ли Маньмань со всем своим пулом контактов и ресурсов. И пусть делами медиа-холдинга я не занимаюсь и пересекаться мы не будем, она всё-таки без пяти минут наша сотрудница. Простой ужин — вполне нормальный рабочий жест.

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— К тому же нам с Маньмань ещё сниматься вместе. Если я откажусь от встречи, она окончательно зажмётся на площадке, и работа встанет. На роль драгоценной супруги Фу она подходит идеально, мы с дядей Ся не хотим менять актрису.

— Да и Маньмань — не Гао Лан. Ли Цянь держит её в ежовых рукавицах, так что никаких глупостей она не натворит, а все свои неуместные амбиции быстро засунет подальше.

Линь Тунси скосил на него взгляд:

— И отзови своих ищек. Я же просил тебя не пускать в ход подобные методы.

Руки Цинь Наня на мгновение замерли. Поняв, что запахло жареным, он мгновенно включил дурака и затараторил, переводя стрелки:

— Ох, ну и зажаты же у тебя плечи! Только-только начали поддаваться. Тебе нужно как следует отдохнуть при первой возможности, а то совсем себя загоняешь.

— Цинь Нань, — негромко, но с нажимом позвал Линь Тунси.

Пальцы того снова застыли. Поняв, что открутиться не выйдет, он обречённо выдохнул:

— Я не доверяю ей. И за тебя боюсь.

Линь Тунси опустил глаза:

— Мы все взрослые люди, к чему этот детский сад?

— А я всё равно боюсь, — упрямо и как-то по-детски обиженно пробормотал Цинь Нань. — Душа не на месте, и всё тут.

Линь Тунси почувствовал, как чужие ладони скользнули с его плеч. Не успел он обернуться, как Цинь Нань уже обогнул диван и плюхнулся рядом. Стоило Тунси повернуться к нему, как этот наглец без лишних слов уткнулся головой ему в плечо:

— Раз им всем можно звать тебя на свидания, то и я хочу!

Тунси слишком хорошо чувствовал чужую тоску — благо сидели они вплотную. Этот капризный, обиженный тон делал грозного главу корпорации похожим на обделённого вниманием ребёнка. Линь Тунси уже занёс руку, собираясь бесцеремонно оттолкнуть наглеца, но перед глазами вдруг всплыл образ родителей Цинь Наня. Рука застыла и безвольно опустилась на колени.

Цинь Нань лишился родительского тепла в пятнадцать лет. Вот уже десять лет его отец и мать лежали в больнице, превратившись в безжизненные тела, чьё существование поддерживали лишь бездушные медицинские приборы. Без единого шанса прийти в себя.

Линь Тунси ни разу их не видел, но стоит ему вспомнить об этом, как сердце предательски сжималось.

Этому волчонку за последние годы действительно пришлось несладко.

Потому и в те полтора года, когда они были вместе... Пусть Тунси и не принимал эти отношения близко к сердцу, он всё равно неосознанно опекал его. Какое-то внутреннее чувство ответственности, присущее старшему брату, заставляло его порой смотреть на Цинь Наня как на уязвимого подростка. Хотя Линь Тунси прекрасно понимал: этот волк давно вырос, а его зубы и хватка куда опаснее, чем у любого из сверстников.

Почувствовав, как мерно вздымается грудь притихшего Цинь Наня, Линь Тунси окончательно растерял всю строгость и так и не оттолкнул его:

— Они встречаются по делу. А тебе-то зачем меня звать? Без повода?

Стоило словам сорваться с его губ, как Цинь Нань среагировал мгновенно, словно почуявший кошачью мяту кот. Он так и подпрыгнул на месте, убирая голову с плеча Тунси, и уставился на него сияющими, полными надежды глазами:

— То есть если повод найдётся, ты согласишься пойти со мной?

Линь Тунси слегка нахмурился, собираясь осадить наглеца, но резкий сигнал мессенджера нарушил их диалог.

На экране высветилось сообщение от Лэ Бэя: «Брат Линь, режиссёр Ся объявил сбор на два тридцать. Мы с Сяо Жанем скоро заедем за тобой».

Черкнув лаконичное «Хорошо», Тунси поднял глаза на Цинь Наня и опешил: тот буквально светился от непонятной радости. Парень вскочил с дивана, споро натянул пальто и, поймав на себе недоуменный взгляд Тунси, широко улыбнулся:

— Ладно, не буду отвлекать от работы. Я пошёл!

И испарился. Ушёл настолько стремительно и деловито, что Линь Тунси невольно усомнился, а был ли вообще тот несчастный ребёнок, который только что ластился к его плечу.

Линь Тунси задумчиво покачал головой, а затем встал и потянулся к куртке. Предстоящая смена требовала предельной концентрации, так что забивать голову странностями Цинь Наня было некогда.

Осторожно прикрыв за собой дверь, Цинь Нань ненадолго замер в полумраке коридора и лишь затем направился к лифту.

В пустой кабине он задумчиво посмотрел на собственные ладони. Кожа до сих пор помнила живое, нежное тепло плеч Линь Тунси. В памяти яркой вспышкой отпечатались изгиб его изящной шеи, открывшийся, стоило тому скинуть пуховик, и этот джемпер с V-образным вырезом...

Вырез был довольно глубоким, и при каждом движении Тунси в нём на мгновение проскальзывали точёные ключицы.

Взгляд Цинь Наня потемнел. Его Сиси слишком хорош. Слишком притягателен. И осознание того, сколько стервятников кружит вокруг его сокровища, заставляло Цинь Наня буквально задыхаться от ревнивой злобы.

Наследный принц Хэюэ долгие годы вынашивал план, как втереться в доверие к императору Чэну. Его цель была проста и беспощадна: подобраться как можно ближе, нанести смертельный удар и самому занять престол.

Но близкое знакомство с императором спутало все карты. Узнав Чэна лучше, Хэюэ осознал масштаб его личности. И пусть их взгляды на управление Поднебесной во многом противоречили друг другу, принц не мог не признать: император Чэн обладал истинным величием и выдающимся государственным умом.

И тогда цели Хэюэ изменились.

Он решил войти в доверие к новой власти не как наёмный убийца, а как амбициозный политик. Он хотел занять ключевой пост в министерстве, претворить в жизнь собственные реформы и сойтись с императором Чэном в интеллектуальной дуэли.

Ему нужно было победить. Доказать, что Чэн уступает ему во всём, растоптать его величие и лишь после этого лишить жизни.

Новая стратегия не мешала общему плану мести, но неизбежно ускоряла развязку — день, когда маски будут сброшены. И этот день настал.

В тронном зале в присутствии сотни высших военных и гражданских чинов тайна Хэюэ наконец раскрылась. По залу прокатился вздох ужаса. Император Чэн восседал на возвышении, мрачный и безмолвный, словно каменное изваяние. Но Хэюэ лишь безудержно расхохотался. Одним махом осушив спрятанный в широком рукаве сосуд с крепким вином, он сорвал с себя роскошное чиновничье платье новой династии, швырнул его под ноги страже и остался стоять посреди огромного зала в одном лишь белоснежном исподнем.

На губах принца играла дерзкая улыбка. Лицо его, безупречное и бледное, словно резной нефрит, хранило гордое спокойствие:

— Ты искал принца Хэюэ долгих пять лет. Что ж, смотри, я перед тобой. И даже если ты велишь казнить меня прямо сейчас, весь мир уже знает: как государь ты не стоишь и половины меня.

Император по-прежнему хранил гробовое молчание, тогда как придворные взорвались яростными выкриками, требуя немедленно поставить бунтовщика на колени.

Хэюэ с силой швырнул пустой бурдюк на гранитные плиты и громко рассмеялся:

— Когда мы спорили на совете, моё решение спасло провинцию, а его — обрекло на голод!

Ошибка за ошибкой, он раз за разом оказывался неправ! И что, если на нём корона, об этом теперь нельзя говорить вслух?

Он обвёл присутствующих безумным взглядом:

— Впрочем, неважно. Сегодня мы спорим не о законах. Моя тайна раскрыта, и вы, конечно же, жаждете моей крови.

— Но даже на плаху я взойду без сожалений. Я рождён наследным принцем, а он — безродный выскочка! Моя судьба с колыбели — править империей, а его? Ещё вчера вы все в один голос превозносили мой ум, а сегодня брызжете слюной от злости. Жалкие лицемеры! Будь я на троне, я бы правил этой страной в сто крат лучше!

Для Линь Тунси эта сцена была ключевой. В ней сходили все нити роли: эмоциональный взрыв Хэюэ, катарсис после долгих лет притворства и лжи. Ему требовалось выплеснуть всё, что копилось в душе под маской покорности.

Естественно, такой накал страстей требовал от актёра запредельной самоотдачи, безупречной мимики и идеального владения голосом.

Из-за накладок на площадке сцену переигрывали уже четвёртый раз. До этого долго репетировали расстановку актёров, так что к нормальной съёмке подобрались только к пяти часам вечера.

Линь Тунси выкладывался в каждом дубле без остатка. Ни единого промаха, ни одной фальшивой интонации — с каждым новым дублем его игра становилась только глубже, обрастая новыми, пугающе искренними деталями.

Принц Хэюэ с лихорадочно блестящими, покрасневшими глазами стоял посреди бушующей толпы врагов и бесстрашно бросал обвинения в лицо императору. От его монолога у присутствующих на площадке перехватило дыхание. Члены съёмочной группы стояли не шевелясь, а несколько впечатлительных ассистентов и вовсе тихонько разрыдались, замороженные разыгравшейся драмой.

Режиссёр Ся должен был остановить съёмку ещё пару минут назад, но игра Линь Тунси настолько заморозила его, что он нарушил все правила и не дал команду «Стоп». Линь Тунси даже бровью не повёл — он продолжал жить в кадре.

Лишь спустя десять минут Ся Чуньчжи, получив абсолютно гениальный материал, с облегчением поднялся со своего места и широко улыбнулся:

— Превосходно! Снято!

Две девушки-стажёрки, размазывая по щекам слёзы, во все глаза смотрели на Линь Тунси. Тот уже поднял с пола бурдюк и, весело улыбаясь, что-то обсуждал с Ся Чуньчжи.

— Господин Линь сыграл просто невероятно, — шмыгая носом, прошептала одна из них. — Настоящий киноимператор, ни больше ни меньше.

Вторая, судорожно кивая и продолжая всхлипывать, дрожащими руками записывала видео на телефон:

— Он им обязательно станет. Вот увидишь, обязательно!

Пока вся площадка утирала слёзы и наперебой восхищалась талантом Линь Тунси, никто не заметил, как в павильон бесшумно вошёл представитель Культурно-медийной компании Байяо — Цинь Нань.

Он не стал приближаться. Оставшись в тени, куда не дотягивался свет софитов, он стоял позади толпы и заворожённо смотрел на мужчину, который сейчас был центром вселенной для каждого в этом зале. В его глазах, полных щемящей нежности, сияло чувство куда более яркое и глубокое, чем весь этот бутафорский блеск вокруг.

<http://bllate.org/book/20602/2134922>